

Павел Анненков

**Молодость И. С. Тургенева.
1840–1856**

Павел Васильевич Анненков
Молодость И. С.
Тургенева. 1840–1856
Серия «Литературные воспоминания»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572325

Аннотация

«...Настоящие воспоминания задуманы и создавались вскоре после смерти И. С. Тургенева, последовавшей 3 сентября 1883 г. Этим объясняется форма воспоминаний... В последний раз Анненков виделся с Тургеневым в Париже в начале мая 1883 г. Смерть писателя застала его в Киеве. По-видимому, в это время и возникла у Анненкова мысль написать воспоминание-очерк о Тургеневе за сорок лет, в течение которых он так близко знал писателя. Анненков разобрал имевшуюся в его распоряжении переписку Тургенева, которая должна была составить фактическую основу воспоминаний...»

Содержание

I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков Молодость И.С. Тургенева. 1840–1856

«Мир праху твоему!» – так обыкновенно кончаются поминальные речи над усопшими, выражая тем пожелания живущих предать забвению все, что могло бы сколько-нибудь затемнить нравственный облик покойника. Но такое трогательное восклицание пригодно только для лиц, никогда не выходявших из толпы; для всех других оно звучит довольно странно, потому что со смертью их тотчас же начинается разбор их деятельности, их заслуг перед обществом и завершается указанием и перечетом тех препон, на какие они могли наткнуться в самом обществе. Только личности низших порядков жизни и представлений могут надеяться на «мир своему праху», но люди, носящие большое имя, должны ожидать, что с их кончиной и загорится критическая буря и возникнет спор, который потребует многих лет для своего разрешения. К удивлению, почти ничего подобного не случилось ни перед похоронами Тургенева, ни после них. Гроб его, засыпанный цветами, пришедшими с разных сторон, торжественно шел до могилы, не встречая помех и про-

тестов. Старая историческая злоба, кой-где еще встречающаяся в обществе, против чествования независимого труда, таланта, знания, притаилась на время. Взамен редко приходилось кому-либо встретить такое согласие передовых людей Европы с русскими воззрениями на поэта, как при оценке его значения и влияния. Для судей всех национальностей это был «сказочник», столь же почетный, как и герой, прославившийся на бранном поле, как дипломат, победивший своих противников, как любой человек, высоко стоящий на ступенях иерархической лестницы. Что же такое нашлось у этого «сказочника», чтобы извратить обыкновенный ход человеческих дел и наградить его, на другой день кончины, единоклассниками благословениями своих и чужих людей?..

То было произведение совокупного дела художественных его разоблачений, науки жизни, им проповедуемой, и обаяния его личности^[1]. Покойный романист наш успел – к половине долгой жизни – привести нравственную природу свою в такое соответствие с благородством писательских своих помыслов и творчества вообще, что они составили вместе один образ, возбуждавший умиление и привязанность образованного мира. Приведем несколько примеров, ограничиваясь фактами заграничной его жизни. Тотчас же по переводе его рассказа «Живые мощи», Ж. Занд писала ему: «Maitre! Nous devons aller tous a votre ecole»¹. «Странно и дико, – прибавлял Тургенев, сообщая по секре-

¹ Мэтр! Мы все должны пойти в ученье к вам (франц.)

ту этот отзыв знаменитого романиста, – но все-таки приятно выслушать такое мнение». Вообще он никак не соглашался принять титул представителя эпического творчества в Европе, какой немецкие и французские друзья его готовы были предложить ему, и почти разделял мнение «Allgemeine Zeitung» (тогда еще Аугсбургской), которая ядовито и насмешливо говорила о поклонении немцев «московской» эстетике. Успех своих рассказов он постоянно объяснял новостью предметов, им затрогиваемых, и тем, что в них своя и чужестранная публика встретили еще не ожидаемые и не подозреваемые ими начала морали и своеобразной красоты. Скромность его в этом отношении выдержала искушения, перед которыми мог бы потерять голову менее твердый человек. Напрасно большинство знаменитостей европейского мира слали ему одна за другой свои приветы. Карлейль утверждал, что более трогательного рассказа, чем «Муму», ему еще не приходилось читать; старый Гизо выразил желание познакомиться с автором «Дневника лишнего человека» – психического этюда, по его мнению, раскрывающего неведомые глубины человеческой души; молодой и торжествующий тогда Гамбетта приглашал его на парламентские завтраки и толковал о делах родины своего гостя. Известно, что Тэн в своей «Истории революции» сослался однажды на те же «Живые мощи» как на образец воспроизведения истины народного понимания жизни; не менее известно также и то, что Ламартин при описании своей встречи с Тургеневым

достиг такого пафоса, который близко стоял к комизму. Не говорим уже об отзывах прямых друзей нашего поэта – Флора, Додэ, Зола, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публике. Ничто не могло поколебать убеждения Тургенева в скромной роли, какая выпала на его долю в отечестве, даже и тогда, когда немецкий критик Юлиан Шмидт, разбирая «Дым», вопрошал его автора: «Чем же вы объясните после вашего пессимизма политическое величие своей родины и появление в ней таких людей, как Пушкин и вы сами?» Его не сбilo с толку даже и нарождение в Германии идеалистов, вроде благородного Пича (Pietsch), недавнего переводчика комедии «Нахлебник», который сделал задачей своей жизни распространение его произведений в своем отечестве и извещал Тургенева всякий раз, как приобретал для него нового надежного поклонника или новую поклонницу. Осторожность нашего романиста поистине была очень ценного свойства, если вспомнить еще, что мы не перечислили и десятой доли тех оваций, которых он служил предметом за границей.

Между тем И. С. Тургенев подвигался к величавому спокойствию старости и занял видное место перед тремя мирами – романским, германским и русским, которых знал одинаково хорошо, – тоже очень осторожно, как бы ожидая всегда протеста против самоуправства. Прежде чем утвердиться на своем посту, ему необходимо было покончить почти со всеми чертами молодости, отделаться от множества привычек, полученных в начале своей карьеры, найти другой спо-

соб сноситься с людьми, чем тот, которому он следовал доселе. Молодость Тургенева была далеко не бурная, но распущенная, и постепенное соби́рание ее, приведение в порядок и в подчиненные отношения к какому-либо правилу жизни составляет поучительную историю, которую мы и собираемся напомнить здесь читателям.

I

За два года до его приезда из первого путешествия за границу (1840 год) с целью образования – о нем были уже слухи в Москве и Петербурге^[2]. Знали, что он находился при отъезде своем в 1838 году на том самом пароходе, который сторел у мекленбургских берегов, что он вместе с другими искал спасения на лодках, перевозивших пассажиров на малогостеприимную землю этой германской окраины. Рассказывали тогда, со слов свидетелей общего бедствия, что он потерял голову от страха, волновался через меру на пароходе, взывал к любимой матери и извещал товарищей несчастья, что он богатый сын вдовы, хотя их было двое у нее, и должен быть для нее сохранен. Слухам этим верили, так как он был крайне молод в то время (двадцати лет). Даже и позднее Грановский, заставший его в Берлине, рассказывал еще, что он находил его с приставленным к нему крепостным дядькой за очень невинным занятием – игрой в карточные солдатки, которых они поочередно опрокидывали друг у друга. При появлении его в России ожидали встретить доморощенного барчонка, по которому немецкое образование прошло, обделава его наружно и не тронув внутреннего содержания, и нашли полного студента-бурша, замечательно развитого, но с презрением к окружающему миру, с заносчивым словом и романтическим преувеличением кой-каких

ощущений и малого своего опыта. Люди Москвы и Петербурга должны были привыкать к нему, и отзывы их поражают на первых порах печальным единодушием. Образец гуманности, Николай Владимирович Станкевич, хорошо знавший Тургенева в Берлине, предостерегал своих приятелей в Москве не судить о нем по первому впечатлению. Он соглашался, что Тургенев неловок, мешковат физически и психически, часто досаден, но он подметил в нем признаки ума и даровитости, которые способны обновлять людей. Герцен был проще, неумолимее и несправедливее. Он познакомился с ним в Петербурге (1840), перед второй ссылкой своей и через посредство Белинского. Отзыв его может *быть*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В только что изданной переписке Густава Флобера с Ж. Занд («Nouvelle Revue», dec. 1883) очень часто упоминается имя Тургенева; еще в 1866 году Г. Флобер писал: Позавчера и вчера я обедал с Тургеневым. Этот человек обладает таким изобразительным даром, даже в разговоре, что он нарисовал портрет Ж. Занд, облокотившейся на балкон замка м-м Виардо в Розе. Под башней был ров, во рву лодка, и Тургенев, сидя на скамье этой лодки, глядел на вас снизу вверх. Заходящее солнце играло на ваших черных волосах (франц.). В другом месте он восклицает: Я говорил вам, что Тургенев нанес мне визит? Как бы вы полюбили его (франц.). (Прим. П.В. Анненкова.)

2.

Анненков встретился с И. С. Тургеневым в конце 1840 г. в Берлине, о чем он писал в заключении гл. XII «Замечательного десятилетия». Но познакомились они значительно позднее, очевидно в 1843 г. в Петербурге, когда Тургенев, сблизившийся к этому времени с Белинским, стал часто бывать у критика, в обществе Некрасова, И. И. Панаева, Н. Н. Тютчева, на встречах по субботам у А. А. Комарова. В конце тридцатых – начале сороковых годов Анненков имел довольно смутное представление о людях, в кругу которых вращался молодой Тургенев за

границей (о Н. В. Станкевиче, М. Бакуanine, Т. Грановском и др.), и действительно передает здесь лишь «слухи», которые до него могли тогда доходить. В дальнейшем от Белинского и Грановского, от самого Тургенева и наконец из материалов, собранных для издания «Переписки» и составления биографии Н. В. Станкевича, он узнал много нового о жизни и духовных увлечениях Тургенева тех лет, о чем и упоминал в биографическом очерке «Н. В. Станкевич» (1857).